

А. Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ

<Перевод новеллы VIII, 3 Боккаччо (Каландрино)>

Каландрино, Бруно и Буффальмакко идут вниз по Муньоне искать гелиотропию. Каландрино воображает, что нашел ее, и возвращается домой, нагруженный камнями; жена бранит его; разгневанный, он ее колотит, а своим товарищам рассказывает о том, что они сами лучше его знают.

Когда кончилась новелла Памфило, над которой дамы так смеялись, что смеются еще и теперь, королева велела продолжать Елизе, которая и начала, еще смеясь: — Не знаю, прелестные дамы, удастся ли мне моей новеллой, не менее правдивой, чем потешной, так рассмешить вас, как заставил Памфило свою; но я постараюсь.

В нашем городе, где всегда были в изобилии и различные обычаи и странные люди, жил еще недавно живописец, по имени Каландрино, человек недалекий и необычных нравов, водивший большую часть времени с двумя другими живописцами, из которых одного звали Бруно, другого Буффальмакко, большими потешниками, впрочем, людьми рассудительными и умными, общавшимися с Каландрино потому, что его обычаи и придурковатость часто доставляли им великую забаву. Был также о ту пору во Флоренции молодой человек, удивительный забавник во всем, за что бы ни принялся, находчивый и приятный, по имени Мазо дель Саджио, который, прослышав кое-что о глупости Каландрино, вознамерился потешиться над ним, проделав с ним какую-либо штуку, либо уверив его в чем-нибудь небывалом. Встретив его однажды случайно в церкви Сан Джьованни и увидев, что он внимательно рассматривает живопись и резьбу на доске, которую незадолго перед тем поставили над алтарем названной церкви, он нашел место и время удобными

для своей цели, предупредив одного своего товарища относительно того, что затевал сделать, и оба, подойдя к тому месту, где Каландрино сидел один, притворяясь, что не видят его, стали рассуждать о свойствах различных камней, о которых Мазо говорил так основательно, как будто он был известный и большой знаток камней. Каландрино насторожил уши на эту беседу и, встав по некотором времени, видя, что разговор не тайный, подошел к ним. Мазо, очень довольный этим, продолжал свой разговор, когда Каландрино спросил его, где находятся столь чудесные камни, Мазо ответил, что большею частью они встречаются в Берлинцоне, в стране басков, в области, называемой Живи-лакомо, где виноградные лозы подвязывают сосисками, гусь идет за копейку, да еще с гусенком впридачу; есть там гора вся из тертого пармезана, на которой живут люди и ничем другим не занимаются, как только готовят макарены и клецки, варят их в отваре из каплунов и бросают вниз; кто больше поймает, у того больше и бывает; а поблизости течет поток из Верначчо, лучшего вина еще никто не пивал, и нет в нем ни капли воды. «О! — сказал Каландрино. — Вот так славный край! Но скажите мне, куда идут каплуны, которых те отваривают?» Мазо отвечал: «Всех съедают баски». Тогда Каландрино спросил: «Был ты там когда-нибудь?» На это Мазо ответил: «Ты говоришь, был ли я? Да, я был там раз, все одно, что тысячу». — «А сколько туда миль?» — спросил тогда Каландрино. Мазо отвечал: «Да будет тысячу и более, ночь пропеть, не долее». Говорит Каландрино: «Так, это будет подальше Абруцц?» — «Разумеется, — ответил Мазо, — и еще подальше».

Простак Каландрино, видя, что Мазо говорит это с спокойным лицом и не смеясь, поверил тому, как верят самой наглядной истине, и, считая это за действительное, сказал:

«Для меня это слишком далеко, а если бы поближе было, я, наверно, побывал бы там разок с тобою, хотя бы для того, чтобы посмотреть, как варятся те макароны, и наестся всласть. Но скажи мне, — да пошлет тебе господь бог радости! — не встречается ли в наших странах какого-нибудь из этих столь чудесных камней?» На это Мазо отвечал: «Да, встречаются два рода камней удивительной силы: один — это гранитные камни Сеттиньяно и Монтиши, силой которых, когда их обратить в жернова, делается мука; почему и говорится в тех краях, что от бога милости, а из Монтиши жернова, а этих жерновов такое количество, что у нас их мало ценят, как у них изумруды, из которых там горы выше горы Морелло, и так они светятся в полночь, что, боже упаси. И знай: если бы кто обил

кольцами готовые жернова, прежде чем их пробуравить, и понес их султану, получил бы от него все, что ни пожелает. Другой есть камень, который мы, знатоки, зовем гелиотропией, камень великой силы, ибо кто носит его на себе, пока он при нем, никому не бывает видим — там, где его нет». Тогда Каландрино сказал: «Великие это силы; а этот другой камень где встречается?» На это Мазо ответил, что его находят в Муньоне. Говорит Каландрино: «Какой величины этот камень? И каков он цветом?» Мазо отвечал: «Он бывает разной величины, какой больше, какой меньше, но все цветом как бы черные».

Заметив себе все это, Каландрино под предлогом, что у него есть другое дело, расстался с Мазо, намереваясь пойти за тем камнем, но решившись не делать того без ведома Бруно и Буффальмакко, которых особенно любил. И вот он пошел их разыскивать, дабы немедленно и раньше всех других отправиться на поиски; всю остальную часть утра он проходил за ними. Наконец, когда уже прошел девятый час, он вспомнил, что они работают в монастыре фаэнтинских монахинь, и, хотя жар был сильный, бросив все другие свои дела, направился к ним почти бегом. Кликнув их, он сказал так: «Товарищи, если вы захотите поверить мне, мы с вами можем сделаться богачейшими во Флоренции людьми, ибо я слышал от одного человека, достойного веры, что в Муньоне встречается камень: кто носит его при себе, тот никому не видим; потому, я полагаю, нам следовало бы немедленно пойти поискать его, прежде чем пойдет туда кто-нибудь другой. Мы, наверно, найдем его, потому что я его знаю, а как найдем его, что нам иного и делать, как, положив его в карман, отправиться к столам менял, всегда, как вы знаете, нагруженным грошами и флоринами, и захватить, сколько нам будет угодно. Никто нас не увидит; так мы можем внезапно разбогатеть, не будучи принуждены день-деньской расписывать стены каракулями, точно улитки».

Когда Бруно и Буффальмакко услышали его, засмеялись про себя и, переглянувшись друг с другом, представляясь крайне удивленными, похвалили совет Каландрино, а Буффальмакко спросил, как зовется этот камень. У Каландрино, человека топорной выделки, название уже успело выйти из памяти, потому он и ответил: «Что нам до названия, когда мы знаем его свойства? Мне кажется, нам бы теперь пойти, не засиживаясь». — «Ну хорошо, — сказал Бруно, — а каков он с виду?» Каландрино сказал: «Есть всякого вида, но все почти черного цвета; потому, думается мне, нам следует собирать все черные камни, какие увидим, пока не попадем на тот; потому

не будем терять время, пойдем». На это Бруно заметил: «Погоди еще, — и, обратившись к Буффальмакко, сказал: — Мне кажется, Каландрино дело говорит, но я полагаю, что теперь не время, потому что солнце высоко, светит прямо на Муньоне и осушило все камни, вследствие чего иные из находящихся там камней кажутся теперь белыми, а утром, прежде чем солнце их высушит, черными; к тому же сегодня на Муньоне много народу по разному делу, так как сегодня день рабочий; увидя нас, они могут догадаться, что это мы делаем, и, того гляди, сделают то же; камень может попасть к ним в руки, а мы променяем прыть на езду шагом. Мне думается, если только вы того же мнения, что такое дело надо сделать утром, когда легче различать черные камни от белых, и в праздничный день, когда там не будет никого, кто бы нас увидел». Буффальмакко одобрил совет Бруно, Каландрино согласился с ним, и они решили в следующее воскресенье утром всем троим пойти поискать этого камня; а Каландрино просил их паче всего никому в свете о том не рассказывать, потому что и ему сообщили это втайне. Рассказав об этом, он передал им еще, что слышал о стране Живи-лакомо, и клятвенно утверждал, что это так.

Когда Каландрино ушел от них, они условились между собою, что им в этом случае надлежало делать. Полный желания, Каландрино ожидал утра воскресенья; когда оно настало, он поднялся с рассветом, позвал товарищей, и, выйдя из ворот Сан Галло и спустившись к Муньоне, они принялись бродить туда и сюда, ища камня. Каландрино, как наиболее охочий, шел впереди, быстро перескакивая с одного места на другое, и где ни увидит черный камень, бросится поднимать его и кладет за пазуху. Товарищи шли сзади, иногда подбирая тот или другой. Недалеко прошел Каландрино, как у него пазуха была вся полна; потому, приподняв полы платья, сшитого не на геннегауский манер, он устроил из них широкий мешок, хорошенько заткнув их со всех сторон за ременной кушак, вскоре наполнил и его, а по некотором времени сделал мешок и из плаща, который также насыпал камнями.

Когда Буффальмакко и Бруно увидели, что Каландрино нагружен и что пришло время закусить, Бруно и говорит, как было между ними условлено, Буффальмакко: «А где Каландрино?» Буффальмакко, который видел его недалеко от себя, обернулся и, поглядев там и здесь, ответил: «Не знаю, недавно он был впереди от нас». Бруно сказал: «Хотя он был тут и недавно, я почти уверен, что он теперь дома обедает, а нас оставил здесь дурачиться в поисках за черными камнями вниз по Муньоне». — «Ловко он сделал, — сказал тут

Буффальмакко, — что поглумился над нами, оставил нас здесь, а мы-то, дураки, и поверили ему! Послушай, кто, кроме нас, был бы настолько глуп, что поверил бы, будто в Муньоне встречается камень такой чудесной силы?» Слушая эти речи, Каландрино вообразил, что тот камень попал ему в руки и что благодаря его свойству они и не видят его, присутствовавшего. Чрезвычайно довольный этой удачей, он, не говоря им ни слова, замыслил вернуться домой и, направив шаги назад, принялся идти. Увидев это, Буффальмакко сказал Бруно: «А мы что станем делать? Почему и нам не уйти?» На это Бруно отвечал: «Пойдем, но, клянусь богом, Каландрино никогда более не проведет меня; будь я вблизи его, как был все утро, я так бы угодил этим булыжником ему в пятки, что он месяц, поди, поминал бы эту шутку». Сказать это, размахнуться и ударить Каландрино по ноге было делом мгновения. Каландрино, ощутив боль, высоко поднял ногу, стал отдуваться, но промолчал и пошел дальше. А Буффальмакко, схватив один из собранных им камешков, сказал Бруно: «Ишь какой красивый камешек, угодить бы им в спину Каландрино», — и, пустив его, сильно ударил им в его спину.

Одним словом, приговаривая таким образом то одно, то другое, они кидали в него камнями вдоль по Муньоне до ворот Сан Галло. Затем, побросав собранные камни, остановились немного поговорить с таможенными, которые, предупрежденные ими и притворившись, будто ничего не видят, дали Каландрино пройти, смеясь напропалую. А тот, не останавливаясь, добрался до своего дома, который находился у Канто алла Мачина, и так способствовала судьба этой шутке, что, пока Каландрино шел по реке, а далее и по городу, никто не заговорил с ним, хотя и повстречал-то он немногих, ибо почти все были за обедом.

Так, нагруженный, он и вступил в свой дом. Случилось, что жена его, по имени монна Тесса, красивая и достойная женщина, была наверху лестницы; несколько рассерженная его долгим отсутствием, она, видя, что он идет, стала бранить его: «Ну, братец, наконец-то черт принес тебя! Все люди пообедали, а ты только возвращаешься к обеду!» Когда Каландрино услышал это и догадался, что его увидели, исполнившись досады и печали, принялся говорить: «Ах ты негодная женщина, зачем ты здесь! Ты меня погубила, но, клянусь богом, я расплачусь с тобой за это». Войдя в небольшой покой и свалив множество принесенных им камней, он с остервенением подбежал к жене, схватил ее за косы и, повалив ее себе под ноги, насколько хватило рук и ног, принялся угощать ее кулаками и пинками, так что у ней не осталось не тронутым

ни волоса на голове, ни кости во всем теле, как ни молила она его о пощаде, скрестив руки.

Буффальмакко и Бруно, похихотав немного со сторожами у ворот, тихим шагом последовали издали за Каландрино. Подойдя к порогу его дома, они услышали страшную потасовку, которую он задавал своей жене, и, прикинувшись, что они только что пришли, окликнули его. Каландрино подошел к окну весь в поту, красный и запыхавшийся, и попросил их взойти наверх. Притворяясь, что они делают это неохотно, они взойшли, увидели комнату, полную камней, в одном углу горько плачет растрепанная, растерзанная жена, с синим побитым лицом, а с другой стороны сидит Каландрино, распоясанный и задыхаясь, как бы от усталости. Посмотрев на это некоторое время, они сказали: «Что это, Каландрино? Ты строишься, что ли, хочешь, что у тебя здесь столько камней? — А к этому прибавили: — А что такое с монной Тессой? Ты, кажется, побил ее? Что это за новости?» Каландрино, измученный от тяжести камней, от ярости, с которой бил свою жену, и от горя по счастью, которое, казалось ему, он утратил, не мог собраться с духом, чтобы связать целое слово в ответ. Потому, обождав, Буффальмакко снова начал: «Каландрино, если у тебя был другой повод к гневу, тебе не следовало бы мучить нас, как ты это сделал, потому что, поведя нас искать вместе с тобою драгоценный камень, ты, не сказав нам ни “с богом!”, ни “к черту!”, оставил нас, словно двух баранов, на Муньоне и ушел, что нам крайне обидно; но поистине это будет в последний раз, что ты нас провел!»

При этих словах Каландрино принатужился и сказал: «Товарищи, не сердитесь, дело было не так, как вы думаете. Несчастный я! Я ведь нашел камень — хотите послушать, правду ли я говорю? Когда, во-первых, вы стали спрашивать обо мне один у другого, я был от вас менее, чем в десяти локтях; видя, что вы идете и меня не видите, я обогнал вас и все время шел немного впереди». Так, начав с одного конца, он рассказал до другого, все, что они делали и говорили, показав им спину и пятки, как их отделали камни, а затем продолжал: «Скажу вам, когда я входил в ворота со всеми этими камнями за пазухой, какие здесь видите, мне не сказали ни слова, а вы знаете, как неприятны и надоедливы эти сторожа, желающие все досмотреть; далее я встретил по пути многих моих кумов и приятелей, которые всегда заговаривают со мной и приглашают на выпивку, и не было никого, кто бы сказал мне слово или полслова, потому что они меня не видели. Когда, наконец, я прибыл домой, эта чертовка, проклятая женщина, вышла мне

навстречу и увидела меня, ибо, вы знаете, женщины заставляют всякую вещь утрачивать свою силу. Так-то я, который мог почесть себя счастливейшим человеком во Флоренции, остался самым несчастным, потому я и побил ее, насколько хватило рук, и я не знаю, что меня удерживает пустить ей кровь. Проклят да будет час, когда я впервые увидел ее и когда она вступила в этот дом!» И, вновь воспламенившись гневом, он хотел подняться и снова приняться бить ее. Услышав это, Буффальмакко и Бруно представились очень удивленными и часто поддакивали тому, что говорил Каландрино, а самих разбирал такой смех, что чуть не лопались; но когда они увидели, что он, разъярившись, поднимается, чтобы вторично поколотить жену, подступили к нему и удержали, говоря, что во всем этом виновата не жена, а он, знавший, что женщины заставляют все предметы утрачивать свою силу, и не сказавший ей, чтобы она остереглась показываться ему в тот день; эту предусмотрительность господь и отнял у него либо потому, что то была не его доля, либо потому, что он намеревался обмануть своих товарищей, которым, как только заметил, что нашел камень, он обязан был объявить о том. После многих пререканий они с большим трудом помирили с ним огорченную жену и удалились, оставив его сетовать в доме, полном камней.

